

Архиепископ Тихвинский Константин (Горянов)

ЦЕРКОВЬ И ЕВХАРИСТИЯ

Центральное значение таинства святой Евхаристии в жизни Церкви, несомненно, признавалось святыми отцами и богословами с самого начала возникновения на земле благодатного Царства Божия. «Велия благочестия тайна», воплощение Сына Божия, «таинство, от века утаенное и несведомое ангелом», обновляется ежедневно в литургической жизни христиан, и именно поэтому в сознании древних ромеев и русских людей вплоть до XV-XVI вв. Евхаристия была основой и завершением всей богослужебной жизни¹. Все таинства, молитвословия и чинопоследования Православной Церкви, которые в последние века превратились в сознании христиан в частные требы, во времена подлинной церковной жизни концентрировались около литургии, связывались с ней так или иначе или даже включались в ее состав. Делалось это именно потому, что правильно понималось значение Евхаристии, которое, по определению Дионисия Ареопагита, есть «Таинство таинств», без которого «каждое из иерархических священнодействий, как незавершительное (ατελής μὲν ὄντα — будучи незавершенным), не совершает окончательного приобщения нашего»².

По толкованию преп. Максима Исповедника, эти слова означают, что «никакое таинство не бывает совершенно без Причастия»³. А по слову Симеона Солунского, «завершение всякого священнодействия и печать всякого Божественного таинства есть священное Причащение»⁴.

Отсюда следует чрезвычайная важность правильного отношения к святейшему Таинству таинств — Евхаристии, в котором, как в своеобразном зеркале, отражается истинное духовное содержание всей жизни христианина — епископа,

¹ *Архим. Киприан (Керн)*. Евхаристия. М., 1999. С. 6.

² *Дионисий Ареопагит*. О церковной иерархии. СПб., 2001. С. 53.

³ PG 4, 136A.

⁴ PG 155, 512D.

священника или мирянина. Духовная неграмотность или ошибки при участии в этом Таинстве нанесут больше вреда, чем любая другая погрешность. И здесь ответственность лежит, прежде всего, на предстоятеле — епископе или священнике, которому Тело Христово вручается как залог при рукоположении. Словом учения, молитвой и личным примером всей жизни епископ, по слову св. праведного отца Иоанна Кронштадтского, должен быть, после Бога и Богородицы, «источником освящения для всех христиан его паствы»¹. Архиерей, а также помогающие ему священники служат «соединительным звеном, соединяющим земное с небесным», и «должны быть небесными человеками, которые, только телом касаясь земли, сердцем и душой простираются в небеса и пребывают на небе»².

При служении Божественной литургии для нас становится особенно осязаемо и зримо значение церковных предстоятелей как священно-начальствующих и тайнодействующих по своему сану³, как непосредственных «совершителей» и раздавателей святых Христовых Тайн.

Церковь как собрание верующих именно в таинстве Евхаристии приобретает полноту духовного и телесного единства. Природа самой Церкви евхаристична, ибо она есть Тело Христово, а значит, без Евхаристии нет церковности, а сама Евхаристия немислима вне Церкви⁴.

Как предстоятели церковной общины, так и простые миряне, несмотря на различие своих служений, прав и обязанностей, должны составлять Единое Тело Христа, что и происходит во святой Евхаристии, когда, по слову свт. Иоанна Златоустого, приобщающиеся делаются «не многими телами, а одним Телом. Как хлеб, составляясь из многих зерен, делается единым, так что хотя в нем и есть зерна, но их не видно и различие их незаметно по причине их соединения, так и мы соединяемся друг с другом и со Христом»⁵.

«Нас же всех от единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг ко другу, во единого Духа Святаго Причастие...

¹ Прот. Иоанн Сергиев. Полное собрание сочинений. СПб., 1905. Т. 6. С. 280-281.

² Там же.

³ Там же. С. 325.

⁴ Архим. Киприан (Керн). Цит. соч. С. 7.

⁵ Творения свт. Иоанна Златоустого. СПб., 1904. Т. 10. С. 237.

да обрящем милость и благодать со всеми святыми от века Тебе благоугодившими и со всяким духом праведным, в вере скончавшимся», — так молится священник тайной молитвой в литургии свт. Василия Великого сразу по предложении св. Даров. И здесь мы видим ту же мысль и просьбу о единстве членов Церкви видимой и невидимой. Ходатайствуя в дальнейших словах молитвы обо всех членах Церкви земной, иерей перечисляет различные нужды членов Церкви, находящихся в многообразных условиях и «обстояниях», но завершает он свою молитву пред Христом, невидимо пребывающим во св. Тайнах, новой мольбой о единстве, о соединении всех в Царствии Божиим, Царстве Божественных мира, любви и света.

Это таинство соединения с Богом и в Нем со всем Его творением совершается для каждого христианина через все таинства Церкви, через жизнь в ее лоне, но совершенно особым, мистическим образом — в таинстве Евхаристии. Так преподобный Максим Исповедник учит в своем «Тайноводстве»: «Святая Церковь является как образ первообраза, совершающего в отношении к нам действия, подобные делам Божиим. Ибо как ни велико, почти несчетно, число мужей, жен и детей... весьма значительно различающихся между собой родом, внешним видом, положением, языком, равно как и образом жизни, возрастом и понятиями, привычками, нравами и родом занятий, способностями, познаниями, личными достоинствами и внешним положением, характером и настроением души — как ни велико число и как ни разнообразен вид возрождаемых ею и через нее воссоздаемых и обновляемых Духом, Церковь всем равно сообщает и дарует один образ и наименование»¹. Что же это за образ? Несомненно — образ Сына Божия, Которому Бог предопределил быть подобным всем призванным (Рим 8:28-29). Образ нового Адама, Человека с большой буквы, Богочеловека Господа Иисуса Христа (1 Кор 15:47-49).

«Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем... ядущий Меня жить будет Мною» (Ин 6:56-57).

Спаситель в Своей Первосвященнической молитве просит Бога Отца о Своих настоящих и будущих учениках: «Да бу-

¹ PG 91, 665C-668B.

дут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин 17:21). Таким образом, Господь поставляет полноту духовного, сущностного единства человечества главной целью Своего пришествия на землю и Своего искупительного подвига. «Да будут совершены воедино» (Ин 17:23), единением Божественной Троичной Любви. Здесь мы становимся созерцателями величайшего призвания человека как образа Божия и величайших обетований, подаваемых через Богочеловека Иисуса Христа. «Да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них» (Ин 17:26).

Нигде не достигается такое единство, как только в Церкви Христовой, и ни в каком Таинстве мы не видим и не чувствуем такого совершенного единства, как только в Божественной Евхаристии. Не случайно именно на Тайной Вечере Господь говорит об установлении Нового Завета между Богом и Его людьми: «Сия есть кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов» (См.: Мф 26:28; Мк 14:24; Лк 22:20).

Святитель Григорий Нисский в своем «Большом огласительном слове» говорит, что только через общение с бессмертным «богоприемным телом» Христа наше тело может достигнуть бессмертия. Святитель также подчеркивает величие такого чуда Евхаристии, когда «стало возможным, что одно это Тело, в целой вселенной всегда разделяемое стольким тысячам верных, в каждом из части делается целым и само в себе также пребывает целым»¹.

По мысли преп. Симеона Нового Богослова, Христос, «став однажды нашим сродником по плоти и соделав нас сопричастниками Своего Божества, сделал всех таковых Своими сродниками. А так как преподанное нам через Причастие Божество неделимо и нераздельно, совершенно необходимо, чтобы и мы, воистину Ему приобщившиеся, были бы нераздельны со Христом одним Телом во едином Духе» (Нравственные слова. 1. 6. 76-82)².

Преподобный Симеон часто возвращается к этому телесному родству со Христом, как вытекающему из Причастия, но он считает нужным делать богословские уточнения, чтобы

¹ Свт. Григорий Нисский. Большое огласительное слово. Киев, 2003. С. 276-277.

² Цит. по: Архиеп. Василий (Кривошеин). Преподобный Симеон Новый Богослов. М., 1995. С. 92.

избежать всякого личного толкования. Так, говоря, что все верующие во Христа «становятся в Духе Божиим Его сродниками и одним телом» (Нравственные слова. 2. 7. 167-169), соединяемые с Ним «во един Дух и также во одно Тело» (Нравственные слова. 2. 7. 184-187), преп. Симеон уточняет: «Одним не по ипостасям, но по природе Божества, как и сами становящиеся богами по положению, а по природе человечества как ставшие Его сродниками и братьями» (Нравственные слова. 2. 7. 193-200)¹.

Слова Апостола о том, что христиане составляют Тело Христово, а порознь суть члены (1 Кор 12:27), надо, таким образом, понимать не метафорически, не в переносном смысле, но совершенно конкретно и реально. Так, по объяснению одного из лучших толкователей литургии св. Николая Кавасилы (XIV в.), «верующие уже теперь живут благодаря Крови Христовой жизнью во Христе, подлинно завися от Главы этого Тела, Христа, и облечены этой плотью Христовой. Таким вот образом Церковь является в таинстве евхаристического причащения»².

Богочеловеческое Тело Христа становится, таким образом, источником исцеления и совокупления воедино всех душевных и телесных сил каждого христианина, а также всего человечества в целом. Разрушающие силы зла и страстей бывают побеждены в каждой отдельной личности и в Церкви Христовой как едином живом организме. По слову святителя Григория Нисского, душа христианина соединяется со Христом через веру, а тело должно принять в себя «противоядие» греху через причастие того Тела, «которое оказалось сильнейшим смерти и послужило началом нашей жизни», которое бывает подобно закваске и «в принявшем Его все превращает в Свое естество»³.

Именно это таинство, по замечанию преп. Симеона Нового Богослова, есть «самое большое (дело) в нас Его несказанного строительства и превышающею слово снисхождения... полное всякого ужаса таинство» (Нравственные слова. 1. 10. 72-74)⁴. Преподобный настаивает, однако, на духовном характере причастия, ибо «Дух является истинной пищей и

¹ Там же. С. 93.

² PG 150, 452C-453A.

³ *Свт. Григорий Нисский*. Цит. соч. С. 274-276.

⁴ Цит. по: *Архиеп. Василий (Кривошеин)*. Цит. соч. С. 93.

питием, Дух есть превращающий хлеб в Тело Господне, действительно Дух есть очищающий нас и делающий нас достойными причащаться Тела Господа» (Нравственные слова. 3. 538-551)¹. К таинству необходим духовный подход, чтобы «ты не подозревал... чего-нибудь земного, но... видел умными очами... этот маленький хлеб», чтобы не оказалось, что «пребывая в неверии и в видимом только тебе всеми чувствами не съел ты хлеб не небесный, но только земной, и лишился жизни как не съевший духовно небесный хлеб» (Нравственные слова. 3. 528-537). По учению преподобного, который наряду с апостолом Иоанном и святителем Григорием удостоился звания Богослова, если мы причащаемся так, что «не чувствуем ничего большего чувственной пищи, приходящей в нас, и не получаем в сознании (т. е. сознательно, ощущимо) другой жизни, то следовательно, мы приобщились просто хлеба, а не также и Бога» (Нравственные слова. 10. 758-764)². Если же мы считаем, что все это в нас бывает бессознательно и бесчувственно, то никоим образом не соединяемся с невидимым Богом³.

Здесь мы затрагиваем тему, которая по определению В.Н. Лосского есть «икономия Святого Духа», «пентекостальный аспект Церкви»⁴. Эта икономия отлична от икономии Сына как Нового «Возглавителя природного единства» и «обращена к каждой человеческой личности в отдельности, освящая личностную множественность в едином Телe Христовом... Обе икономии — икономия Сына и икономия Духа — друг от друга не отделимы, друг друга обуславливают... немислимы одна без другой... Личная множественность венчается Святым Духом только лишь в единстве Тела Христова»⁵. «Тот, кто глубже укоренен в Церкви, кто глубже сознает единство всех в Телe Христовом, тот и меньше связан своими индивидуальными ограничениями, личное сознание его более раскрыто Истине»⁶.

Новое единство нашей природы во Христе не исключает человеческой «полиипостасности». Церковь по образу Святой

¹ Там же. С. 95.

² Там же. С. 96.

³ *Архиеп. Василий (Кривошеин)*. Цит. соч. С. 97.

⁴ *Лосский В.Н.* Богословие и Боговидение. М., 2000. С. 575.

⁵ Там же. С. 575.

⁶ Там же. С. 578.

Троицы есть одновременно природное единство и личностное различие¹.

Св. апостол Павел, говоря о различных служениях в Церкви, на которые Бог поставил ее членов, упоминает дары апостольства, пророчества, учительства, чудотворений и исцелений, управления и дар языков (1 Кор 12:28). Но за высший из духовных даров апостол признает дар Любви (1 Кор 13:13).

Святая Евхаристия как Таинство Благодарения и есть, по слову св. прав. Иоанна Кронштадтского, прежде всего Таинство, в котором нам открывается беспредельная, бесконечная Божественная любовь к погибающему роду человеческому².

Приобщаясь единого Хлеба и единой Чаши, Телу и Крови Христовым, мы, многие, становимся, по апостолу, «одним Телом» (1 Кор 10:17). «Эта тайна утвержденного на любви единства многих образует, по сути, то новое, что хранится в Троичной кинонии и сообщается людям через совершаемую в Церкви Евхаристию. Такова цель спасительного делания Христова, благодать которого, начиная с Пятидесятницы, повсеместно излилась в последние времена»³.

Взятое в целом Евхаристическое служение раскрывает тройческую тайну Церкви. Это служение начинается со слушания Слова Божия, завершаемого Евангелием — апостольской вестью о Слове, ставшем плотью. Затем следует благодарение Отцу, воспоминание о Жертве Христа и, наконец, приобщение к этой Жертве после молитвенного призывания Святого Духа (эпиклесис)⁴.

Евхаристия созидает Церковь в том смысле, что через нее Дух Святой прелагает Церковь в Тело Христово. «Именно поэтому Евхаристия есть поистине таинство Церкви... и как явление и как возрастание Тела Христова — Церкви»⁵.

В единой Церкви не может не быть единой Евхаристии, но этому единству не противоречит существование разных типов евхаристических молитв, или анафор. Единство, о котором мы говорим, не требует абсолютной одинаковости бо-

¹ Там же. С. 574-576.

² Полное собрание. СПб., 1905. Т. 6. С. 149.

³ Тайна Церкви и Евхаристии в свете Тайны Св. Троицы. Международная смешанная комиссия. Мюнхен, 1982. С. 33.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 23.

гослужебного последования, наоборот, «варианты, поместные особенности не только терпимы, но и важны как доказательство соборной природы Церкви»¹.

Наука классифицировала все многообразие вариантов евхаристических молитв в несколько групп (литургических семейств), подробно изучила их происхождение и историю. Поэтому, по справедливому замечанию известного литургиста архимандрита Киприана (Керна), перед каждым церковным христианином «стоит вопрос о необходимости всестороннего изучения важнейшего христианского Таинства. Это изучение должно вестись в разных направлениях, и нашему истолкованию Божественной литургии следует придать характер как литургико-исторического, так и богословского»². Особенный акцент нужно при этом сделать на изучении в духовных школах богословского содержания чина литургии, который для нас, как и все богослужение, есть не просто образ, как его понимает невоцерковленное сознание, но «живая и жизненная философия Православия»³. Необходимость восполнения этого пробела в нашей системе духовного образования подтверждается также следующими словами свт. Иринея Лионского: «Наше учение согласно с Евхаристией, и Евхаристия, в свою очередь, подтверждает учение» (Против ересей, 4, 18, 5).

Но учение должно подтверждаться и самой жизнью. «Наше мировоззрение должно быть евхаристично, а жить надо в евхаристической настроенности... Евхаристия должна обнимать и освящать всю жизнь христианина, его творчество, его дела и порывы». И наоборот, всякая скорбь и всякая радость христианина должна приноситься к евхаристической Чаше. «Иерей, а с ним и все множественное собрание, и всякий верующий, должен в Евхаристии сосредоточить всю свою молитвенную жизнь»⁴.

Переходя к обозрению тех практических проблем, которые стоят перед нами в контексте литургической жизни Церкви, приходится прежде всего с сожалением заметить, что, по слову замечательного богослова XX века В.Н. Лосского, «воля бесовская все еще свирепствует в мире и проявляет

¹ *Архим. Киприан (Керн)*. Цит. соч. С. 9.

² Там же. С. 10.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 9.

себя не только через сынов века сего, которые преследуют Церковь или хотят над ней властвовать, но также и через сынов Царства, когда в самом лоне Церкви эта воля создает нестроение: одни хотят проявлять власть, другие противопоставляют им свою мятежную волю схизматиков. То, что языческий поэт Лукиан как безбожник и ругатель говорил о касте жрецов, то, что Лукреций говорил о римских авгурах, часто, увы, можно отнести и к христианскому духовенству»¹.

Возвышенное православное богословие и христианское призвание очень далеко отстоят от того, свидетелями чего мы являемся в этом мире, где часто «ничего не меняется и вечное возвращение, утомительная повторность, которую Екклесиаст называет «суетой», продолжает властвовать над миром как могущественный и неизбежный закон его существования»².

Прежде всего, этот закон сказывается в стремлении «князя мира сего» внести в Тело Христово всевозможные разделения. Самые меньшие и ничтожные поводы становятся, зачастую, серьезными разделительными границами внутри прихода, монастыря, братства или духовной школы. Те, кто призваны быть едиными по образу Лиц Святой Троицы, имеют только внешнее подобие «единства», внутренне же сердца их далеко отстоят друг от друга. Но нет ничего тайного, что бы не стало явным, и вскоре внутреннее противостояние проявляется во взаимных жалобах, кляузах, ссорах и разделениях.

С самых древних времен в Церкви возникали недовольство, ропот и прямое противление начальствующим. В посвященном этой теме Послании к Коринфянам св. Климент Римский прямо указывает главную причину всякого возмущения и мятежа в зависти и надмении (1 Коринфянам, 3)³. Святитель призывает христиан к подражанию Самому Христу и святым Божиим угодникам в смирении и любви, к такому нравственному совершенству, чтобы они «плакали о проступках ближних, их недостатки считая своими собственными» (1 Коринфянам, 2)⁴.

Церковь с самого начала своего существования «состоит из пасомых и пастырей», из которых первые призваны пользо-

¹ Лосский В.Н. Господство и царство. Цит. соч. С. 593.

² Там же.

³ Писания мужей апостольских. Киев, 2001. С. 75.

⁴ Там же.

ваться дарами Церкви «для успешного осуществления своего личного подвига... а пастыри, через таинства и молитвы, преподают спасающимся вспомоществующую благодать Святого Духа»¹. Невидимой Главой и источником всякой благодати в Церкви является, несомненно, Сам Господь Иисус Христос, но видимое главенство принадлежит предстоятелям из людей — архипастырям и пастырям. Дионисий Ареопагит пишет: «Ибо для каждого из удостоившихся иерархии совершенство состоит в том, чтобы по мере своих возможностей возвыситься до богоподражания и, что божественнее всего, сделаться, как говорит Слово, «соразработником Богу» (см.: 1 Кор 3:9; ср. 3 Ин 1:8) и обнаружить в себе по мере сил проявляемое Божественное действие. Поскольку чин иерархии заключается в том, чтобы одним очищаться, а другим очищать, одним просвещаться, а другим просвещать, одним совершенствоваться, а другим совершенствоваться, богоподражание у каждого будет находиться в гармонии с этим же порядком»². И из простой аналогии очевидно, насколько опаснее болезнь головы по сравнению с болезнью любого другого члена в организме.

С повышенной ответственностью связаны и более серьезные искушения. Совершая различные таинства, и в том числе Святейшую Евхаристию, легко возомнить о себе как о непрестанном носителе полноты благодати. Имея власть «вязать и решить», допускать или не допускать к святому Причащению, накладывать или снимать епитимии, трудно избежать скрытого, даже от себя самого, тонкого мнения о себе как о верховном судье.

Хотя Евхаристия и сама по себе «приносит нам... освобождение и исцеление от греха, ибо она есть таинство обожествляющей любви Отца, которую мы получаем через Сына в Духе Святом», но она также предполагает покаяние (метанойя) и исповедь (экзомологезис), которые находят свое выражение в отдельных церковных таинствах»³.

Епископ или священник, возглавляющий по его благословию церковную общину, призван служить единству, «сбирать и объединять детей Божиих». Церковь создается

¹ Георгиевский А., проф. Святейшая Евхаристия в связи с учением о Церкви Православной. Б. м., б. г. С. 7.

² Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. СПб., 1997. С. 35.

³ Тайна Церкви и Евхаристии. С. 35.

через Евхаристию, и поэтому епископ или священник возглавляет это литургическое служение, создает единство Тела Христова, приобщая верных Телу Христа. Но такое раскрывающееся в Евхаристии единство будет полным и прочным только тогда, когда оно «продолжается и осуществляется всей совокупностью «пастырского» делания: то есть назиданием, управлением, жизнью в таинствах»¹, соотношением всей жизни «предстоятеля» с великой Голгофской Жертвой. Без этого он не сможет выполнить свое предназначение — учить словом и делом тому, чтобы «приобщенные Телу и Крови Того, Кто отдал Свою Жизнь ради своих братьев, христиане стали подлинными свидетелями братской любви, покоящейся на взаимной жертвенности, которая черпает силу в Жертве Христа»².

Только тогда сможет священнослужитель быть судьей не только во внешне-юридическом смысле, но иметь силу духовно-нравственного авторитета в своем суде. Собственно говоря, только тогда суд его будет судом Самого Христа.

Недаром свт. Григорий Двоеслов в своем толковании на Евангелие от Иоанна говорит, что «настоящее разрешение от греха со стороны предстоятеля бывает только тогда, когда оно происходит в соответствии с решением внутреннего Судии»³.

А по слову Дионисия Ареопагита, «провозвестники судов Божиих имеют власть и отлучать, но не так, чтобы Премудрое Богочадие... покорно следовало порывам их неразумного гнева, но так, что они, как провозвестники воли Божией, отлучают по внушению тайносовершительного Духа тех, кто уже осужден Богом по заслуге»⁴.

«О, какая любовь нужна к душам ближних, чтобы достойно, не торопясь, с терпением исповедовать их! Исповедь... есть подвиг любви к своим духовным чадам», — так писал в своем дневнике св. прав. Иоанн Кронштадтский⁵.

Вот почему свт. Иоанн Златоуст в своих знаменитых «Словах о священстве» говорит, что «когда нужно предстоятельствовать в Церкви и взять на себя попечение о столь многих

¹ Там же. С. 41-43.

² Там же. С. 47.

³ Свт. Григорий Двоеслов. Беседы на Евангелие. СПб., 1860. С. 72.

⁴ О церковной иерархии, VII. С. 3-7.

⁵ Прот. Свенцицкий В. Монастырь в миру. М., 1995. С. 236.

душах, то весь женский пол и большая часть мужского должны устраниться от этого великого дела, а выступить те, которые превосходят всех и столько превышают прочих душевною добродетелью, сколько Саул весь народ еврейский высотой тела и гораздо более... сколько одаренные разумом люди отличаются от бессловесных, такое же различие должно быть между пастырем и пасомыми»¹.

Среди множества разных необходимых для пастыря добродетелей святитель с особой силой подчеркивал крайнюю важность обладания «великим благоразумием»² и «великой силой слова»³. Именно словом призван священник врачевать души людей⁴; служение святых апостолов названо в Священном Писании «молитвой и служением слова» (Деян 6:4); Святая Евхаристия, по тексту литургических молитв, есть не что иное, как «словесная и бескровная жертва» (λογικὴν λατρείαν)⁵. Божественная литургия это также «умное и истиннейшее именование Бога»⁶.

Так как слово рождается от ума и «объявляет его настроение»⁷, образование и зрелость, то словосочетание «словесная жертва» означает не что иное, как «умную» жертву. Значит, совершающий Святую Евхаристию должен действительно в полноте обладать и даром «благоразумия», о котором упоминает свт. Иоанн Златоуст. Обладая таким даром, в вещах Божественных предстоятель, несомненно, будет иметь здравое суждение (рассуждение) и о вещах, касающихся жизни человеческой, земной.

Немногие, однако, обладают великой силой слова, которое, по замечанию Златоуста «не дается природою, но приобретается образованием», то есть непрестанным трудом и усердным упражнением⁸. Но, с другой стороны, по слову того же вселенского учителя, настоящую силу слово священника

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. СПб., 1898. Т. 1. С. 414-415.

² Там же. С. 417, 437.

³ Там же. С. 457-464.

⁴ Там же. С. 453.

⁵ Герраков. Αγίου Ορός, 2001, σελ. 125.

⁶ Архимандрит Эмилиан, игумен монастыря Симона Петра. Богопознание, Богослужение, Богомыслие. М., 2002. С. 211.

⁷ Блаженный Феофилакт. Толкование на Евангелие от Иоанна. М., 2000. С. 11.

⁸ Свт. Иоанн Златоуст. Цит. соч. С. 464.

приобретает только тогда, когда оно растворено благодатию Святого Духа¹. В то же время дар духовного рассуждения, или «благоразумия», признан подвижниками благочестия за высший из всех духовных даров. И именно от предстоятелей церковных, в соответствии с правилами св. Василия Великого, требуется быть подобными глазу в теле, «чтобы различать доброе или лукавое и направлять членов Христовых»² «к доброцветным и благоуханным снедам духовного учения», орошать их «по дару Духа водою живою», возвышать и воспитывать до плодоношения³.

Этот благодатный дар Святого Духа особенно необходим, когда мы касаемся тесно связанных с Евхаристией вопросов духовнического служения и канонических правил. Знания сами по себе не спасают от различных крайностей и соблазнов в церковной жизни. Среди них особенно нужно отметить наиболее часто встречающиеся уклонения, которые, по терминологии Владимира Лосского, могут быть названы экклесиологическими монофизитством и несторианством. «Экклесиологические монофизиты желают только хранить Истину и умерщвляют церковную икономию, ту многообразную и всегда различную в зависимости от времени и места деятельности Церкви, посредством которой Она питает мир. Экклесиологические несториане, ради икономии, готовы забыть о неизменной полноте Истины, обитающей в Церкви»⁴. И первые, и последние имеют в церковной жизни множество разновидностей и оттенков, но могут быть объединены тем, что все они «не вмещают Халкидонского догмата экклесиологии — о нераздельном, но и неслиянном единстве в Церкви двух начал: Божественной неизменной полноты и человеческой изменяемой неполноты», которую восполняет благодать Духа Святого. «И нельзя ни разделять, ни сливать этих двух начал: ни полагать с церковными монофизитами, что Тело Христово сошло с небес в своей законченной телесности, ни рассекать с церковными несторианами единство Церкви на два аспекта — “небесный” и “земной”»⁵.

¹ Там же. С. 462.

² Творения свт. Василия Великого. Т. 2. СПб., 1911. С. 73.

³ *Свт. Василий Великий*. Беседа на Псалом 28 // Творения. СПб., 1911. Т. 1. С. 121.

⁴ *Лосский. В.Н.* Соблазны церковного сознания. Цит. соч. С. 559.

⁵ Там же. С. 560.

«Подлинное церковное строительство», а также строительство жизни каждой церковной общины, монастыря или отдельной личности «покоится на даре различения существенного от менее важного, на даре рассуждения, которого мы вправе ожидать от иерархов, имеющих не только безусловную, объективную власть, но также и возможность «стяжать ум Христов», возможность, данную всем членам Тела Христова. Те, кто применяет дар рассуждения в своем церковном строительстве, познаются по его плодам и нередко прославляются как великие святители. Те, кто небрежет этим даром, — плохие домостроители, хотя и не менее безусловные в своей власти, пока пребывают в единстве с Церковью»¹.

Высоким примером ревностного евхаристического служения, соединенного с молитвенным подвигом, освящающим всю жизнь пастыря, могут служить для нас такие близкие к нам по времени новопрославленные святые, как святой праведный Иоанн Кронштадтский и святой праведный Алексий Московский. Праведный образ жизни придавал силу их бесхитростным поучениям, а подаваемая в самоотверженной молитве благодать Духа Святого украшала их даром духовного рассуждения и доводила их слова до глубины человеческих сердец. Но главное попечение эти пастыри Христова стада прилагали к единению паствы в Боге в духе христианской любви. «О, сколько нужно приготовления к исповеди! — писал о. Иоанн в своем дневнике. — Сколько нужно молиться о успешном прохождении этого подвига! О, какое невежество духовных чад! День и ночь надо сидеть с ними, со спокойствием, кротостью и долготерпением поучать каждого из них»².

Из жития прав. Алексия Мечева известен случай, когда на волне всевозможных исканий 20-х годов в квартире одного священника начали собираться некоторые видные московские пастыри для обсуждения разных вопросов церковной практики. Прежде всего, стали обсуждать «Учительное известие», проблемы, связанные с участием мирян в богослужении. Оценка святого праведного Алексия Мечева была, однако, неожиданной: «Зряшное вы дело затеяли. Совсем это не нужно теперь. В переживаемое нами время, когда иссыкает христианская любовь, когда вся окружающая нас атмосфера на-

¹ Там же. С. 564-565.

² Прот. Свенцицкий В. Цит. соч. С. 236.

сыщена злобою, пастыри, прежде всего, должны думать о том, чтобы всюду сеять семена любви и призывать к ней верующих... Ведь мы, христиане, «надзаконные» люди, а не «подзаконные». И бывают моменты, когда в жертву любви нельзя не принести соблюдения установленной формы»¹.

Но, горячо утверждая, что любовь христианская выше устава и канонов, праведный Алексей был одновременно решительным и непримиримым врагом так называемого либерального течения в Церкви. Тем из среды духовенства, кто хотел, прикрываясь одним лишь именем любви, пересмотреть церковный устав как устаревший, о. Алексей «противопоставлял устав как непоколебимую скалу и действовал при этом сурово и резко, не допуская никаких уступок. Устав был для него святыней, запечатленной любовью»², живой артерией церковно-богослужебной жизни, об «отмене» которой было невозможно даже слышать. Просто в известные моменты реальной жизни, не подпадающие под обычный ход вещей, праведник видел единственно верное решение, продиктованное в сердце Духом Святым по неписаному Уставу Божественной Любви. И оно не противоречило уставу писаному, как это могло бы показаться на первый взгляд, а наоборот, являлось как бы его распространением на новый жизненный случай, ибо писанный устав есть плод того же Духа.

Так, в жизнеописании московского старца Алексея известен случай, когда его духовная дочь, будучи весьма благочестивой христианкой, впала в тяжкое искушение уныния и, вследствие этого, блуда, что привело ее еще в более мрачное состояние, близкое к отчаянию. Отец Алексей, узнав об этом, сам пришел к ней и, исповедовав, тут же причастил Святых Христовых Тайн, чем спас ее душу от неминуемой гибели в состоянии на грани самоубийства. Однако было бы глубоко неверно распространять этот эпизод пастырской практики на все или многие случаи тяжелых произвольных грехов.

Конечно, практика древней Церкви со строгими многолетними епитимиями за тяжкие грехи не может в точности быть применена в наши дни, но в то же время канонические ус-

¹ Пастырь добрый. Жизнь и труды московского старца прот. Алексея Мечева. М., 2000. С. 196.

² Лосский В.Н. Соблазны церковного сознания. Цит. соч. С. 562-563.

тановления древности должны служить для нас важным ориентиром, не давая Церкви совершенно раствориться в мире. В этом и есть основной смысл церковных канонов, а именно «в сохранении самобытности Церкви, как перед лицом мира, так и во внутреннем строе Ее жизни»¹.

Однако часто, к сожалению, случается, что различия в практике разных Поместных Православных Церквей возводятся в ранг незыблемых канонов, что служит не к единению, а к разделению организма Церкви. Это, в частности, касается обязательной исповеди перед Причащением в практике РПЦ, в то время как в некоторых Поместных Церквях, а также приходах РПЦ за границей нет такой жесткой связи между этими двумя Таинствами.

Различия в требованиях относительно подготовки и частоты Причащения имеют границы, соответствующие не только канонической территории Поместных Церквей, но и разным приходам и монастырям внутри каждой епархии.

В контексте часто упоминаемой в докладе идеи единства церковного организма, с одной стороны, полезно было бы выработать общие рекомендации относительно всех практических моментов, имеющих отношение к главному таинству Церкви. Для этого необходимо соборное рассмотрение этих вопросов, как в канонических границах РПЦ, так и на всеправославном уровне. С другой стороны, представляется не менее, а возможно, и более важным воспитание нашего духовенства и мирян в духе терпимости к тем правилам и обычаям, которые не могут и не должны быть унифицированы вплоть до мельчайших деталей.

Как часто, ограждая нашу собственную греховность, леность и косность, все мы хотим сохранить себя от жертвенного труда на благо созидания церковного Тела, не хотим быть «всеми для всех», как это делал апостол, но скорее ищем, чтобы «все и всё было для нас». Так случалось не однажды в истории Церкви, так бывает и ныне.

Преподобный Никодим Святогорец в своей «Книге душеполезнейшей о непрестанном Причащении Святых Христовых Тайн» протестует против широко установившейся в его время практики редкого Причащения и в ответ на одно из возражений его противников, которые ссылались на Томос

¹ Там же.

Единения, помещенный в Часослове и определяющий, чтобы христиане причащались три раза в год, приводит подробную историю появления этого Томоса в Византии, где такое правило Причащения было узаконено в качестве епитимии для троебрачных. В конце преподобный подводит итог: «Однако, я не знаю, какой благословенный — или по необразованности, или же намереваясь положить для христиан препятствие к вечной жизни — укоротил это правило и в таком усеченном виде поместил его в Часослов. А наши благословенные духовники, обнаружив его, раструбили это правило по всей вселенной, возлагая епитимию и правило о троебрачных на всех христиан: второбрачных, первобрачных, девственников, да и вообще на всякий возраст. Но я не столько удивляюсь духовникам, — писал преподобный, — сколько удивляюсь, что добрые пастыри и архиереи не возгласили сразу в богодухновенные трубы истины, чтобы заклеить позором этого сеятеля этих плевел и выкорчевать это гнилое растение из Церкви. Ведь они имеют власть от благодати Святого Духа поддерживать всякое добро и исправлять то, что нуждается в исправлении». Но оказалось, что «один, не желая потерять свой покой, другой, приводя другие оправдания, все вместе, устраняясь и перекладывая тяжесть друг на друга, скрывают, как в гробу, слово Божие и истину и молчаливо дают понять, что они согласны с тем, что происходит», и так предают и отрекаются от Истины¹.

Равнодушие и безразличие по отношению к тому, что происходит в жизни Церкви и в жизни ближнего, являются обратным полюсом по отношению жертвенной любви, к которой призывает нас Господь в таинстве Святой Евхаристии. Эти чувства свидетельствуют о духовном омертвлении христианина и о фактическом отпадении его от Тела Христова, ибо те чувства и мысли, которые живут в его Главе, оказываются чужды и не доходят до этой бывшей части Его Тела. Вот почему эти пороки нетерпимы в христианине, а тем более в священнослужителе.

Принимая в таинстве Евхаристии в себя Самого Христа, человек должен сделать Его Господином своей жизни. Отцы Церкви обращали на это особое внимание. Так, по слову свт.

¹ Прп. Никодим Святогорец. Книга душеполезнейшая о непрестанном причащении святых Христовых Тайн // Альфа и Омега. №2 (36). М., 2003. С. 121-123.

Григория Паламы, «причащаясь Крови завета Христова, будем внимать, чтобы нашими делами не сделать его недействительным для нас»¹. Таким образом, по учению свт. Григория, «принадлежность человека к Церкви — не неизменный феномен, а динамическая реальность... плод его личного приобщения нетварной обоживающей благодати. Через крещение, миропомазание и евхаристию человек обновляется и входит в Тело Церкви, привязанностью к миру сему отсекается от нее»².

Любовь к миру и любовь к Богу противоположны друг к другу, по слову возлюбленного ученика Христова Иоанна: «Кто любит мир, в том нет любви Отчей» (1 Ин 2:15). «Презрение богатства... ведет к прославлению Бога, и воспламеняет любовь, и делает нас великодушными, и поставляет иереями, возводя на священство, приносящее великую награду»³. Для стяжания этой любви необходим личный аскетический подвиг, который приемлется не только ради себя, но ради единства всего Тела Христова, и это особенно верно для предстоятелей церковных. По слову свт. Григория Паламы, «как земля без обработки не приносит полезных плодов, так и душа без духовных подвигов не приобретает для себя чего-либо боголюбезного и спасительного»⁴. Поэтому и участие в Божественной Евхаристии требует от всякого христианина и особенно священника подвига самоотвержения, соотнесения всей своей жизни с Жертвой Христа на Голгофе.

Потому и сказано в евхаристической тайной молитве: «Тебе прелагаем живот наш весь и надежду, Владыко Человеколюбче...» Более того, в конце каждой ектений мы призываем предать Христу Богу и самих себя, и друг друга, и всю жизнь нашу. И в этом смысле можно говорить о литургии после литургии в храме. Литургия выносятся в мир для его преображения, и здесь любовь к миру приобретает свое истинное содержание, то есть не эгоистическое удовлетворение своих страстей, а пожертвование собою ради мира, за который страдал Христос Спаситель, за жизнь которого приносится евхаристическая жертва. Этот мир —

¹ Гомилия 56, 9 (по афинскому изданию).

² *Мандзаридис Георгий*. Обожение человека. СТСЛ, 2003. С. 55.

³ *Свт. Иоанн Златоуст*. Полное собрание творений. Т. 10. СПб., 1904. С. 646.

⁴ Гомилия 6.

это, прежде всего, наши ближние и вообще всякий человек в нужде.

По слову свт. Иоанна Златоустого, кроме святого престола в алтаре храма, у нашего Бога есть еще один престол, который мы видим каждый день, но пренебрегаем им, хотя могли бы возлагать на него свои жертвы в любое время. Этот жертвенник, по слову Святителя, даже страшнее храмового, ибо тот делается святым, так как принимает Тело Христово, а «этот чуден потому, что сам есть Тело Христово»¹. Этот престол страждущие, бедные и нищие мира сего, все жертвы несправедливости и злобы.

В противовес этим порокам мира в Церкви Христовой «любовь — новый принцип жизни возрожденного человечества, и все совершенствование, возрастание церковного организма обуславливается причастием отдельных членов закону любви»².

Евхаристия Церкви Христовой, приносимая Богу каждый день, это «жертва любви, которая требует от нас полного отказа от своего «Я». Священник широко отверзает свое сердце, дабы обнять множество жизней и века времени. Так он участвует в мироискупительной жертве Самого Христа». По слову ученика преподобного Силуана Афонского, замечательного подвижника благочестия и богослова XX века схииеримандрита Софрония (Сахарова), недостаточно, чтобы лишь интеллект, разум молящегося проникал в смысл таинства. Все его «существо — сердце, ум, тело — должны соединяться в скорбной молитве за мир, и чем более он скорбит, тем могущественнее исцеляющая сила, подаваемая миру через его молитву»³. Эта благодатная «наука духа», евхаристическая молитва «не может быть усвоена за несколько кратких лет академической учебы. Она требует всего нашего существа. И нет конца этому учению, поскольку мы никогда не достигаем полноты Христовой Любви. Посредством длительной аскетической борьбы мы постепенно постигаем вечное значение и особый характер Его страданий»⁴ за нас.

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Цит. соч. С. 647.

² Архиеп. Иларион (Троицкий). Очерки из истории Догмата о Церкви. С. 47.

³ Схииерим. Софроний (Сахаров). His Life Is Mine, Liturgical prayer. N.-Y., 1977. P. 87-88.

⁴ Ibid, P. 89.

Обращаясь в начале XX в. к профессорско-преподавательской корпорации духовных школ, священномученик Иларион (Троицкий), тогда еще доцент, наблюдая определенную расцерковленность, которая прежде всего выражалась в уклонении от Евхаристической жизни и в отсутствии церковного послушания, призывал к мужеству: «Господа, наблюдая современное отношение к Церкви, следует и необходимо отвечать лишь умножением любви и бескорыстной преданности Церкви, отвечать именно сознательным принятием на себя церковного служения, церковного послушания. Это наше настоящее призвание. Его нечего стыдиться; оно высоко, идеально и несравненно; оно — свято. Тогда можем мы надеяться, что

Верх над конечным возьмет Бесконечное.
Верю в наше святое значение
Мы же возбудим течение встречное
Против течения!¹

Таким образом, евхаристическая жизнь каждого христианина, его участие в святейшем таинстве Евхаристии имеет очень значительный по содержанию и важности практический аспект: необходимость для всякого христианина, будь то священнослужитель, монах или мирянин, повседневного труда над собой, чтобы переступить через свои индивидуальные рамки и «вступить в новый образ бытия — личного бытия по подобию Христа. Участвуя в страданиях Его Божественной Любви, мы тоже, в духе можем отчасти испытать Его смерть и силу Его воскресения»².

¹ *Архиеп. Иларион (Троицкий)*. О церковности духовной школы и богословской науки. М.-СПб., 2000. С. 376-377,

² *Схиархим. Софроний (Сахаров)*. Ibid., Р. 95.